

Встреча с интересным человеком

известным киноактером, заслуженным артистом РСФСР Георгием Францевичем МИЛЛЯРОМ

Имена созданных им героев киносазона стали нарицательными, стали кличками, которыми награждают иногда друг друга мальчишки: Кощей, Квак, Чудо-Юдо...

Он всегда неузнаваем на экране. Узнаваем лишь его неуязвимый талант, которым сорок с лишним лет радует актер своих зрителей. Я шел к Георгию Францевичу Милляру и думал о том, каков он в жизни. Если следовать версии о том, что герои иногда накладывают на какой-то отпечаток на характер их исполнителя, то встреча не обещала быть приятной. Все мои сомнения разрешила добрая и обаятельная улыбка актера. Кощей, Баба-Яга, Шут, Квак, Черт и другие — о них мгновенно было забыто. Передо мной был приветливый, веселый человек.

К ДЕТЯМ-

С ВИЗИТОМ ДОБРА

— Георгий Францевич, сначала о первых художественных впечатлениях, о том, что повлияло на ваш выбор.

— Все начиналось с оперы. Меня, совсем еще несмышляка, взрослые водили на утренние спектакли, и я сидел, почти не дыша, зачарованный красотой и яркостью виденного. До сих пор помню некоторые сцены, хотя с той поры прошло много лет. Помню даже, как однажды тенор, певший Фауста, «пустил петуха». Отец водил меня также в оперетту. В семье у нас не было ни актеров, ни музыкантов, но всегда царил атмосфера музыки, театра. Так что лицедейством был поражен сизмальства. Вернее, не лицедейством, а театром вообще.

Позже стал ходить в драматические театры — в театр Незлобина, Корша. Выбора не было: театр — и только он — завладел моим сердцем.

Еще не закончив учение, я как-то уехал на лето к деду и бабушке в Геленджик да так и застрял там: шла гражданская война и не было никакой возможности вернуться в Москву. Учась с перерывами, я прожил в Геленджике пять лет. Одновременно с учебной работой в местном городском театре бутафором и играл небольшие эпизоды.

После войны вернулся в Москву, закончил среднюю школу. Помню, преподаватель математики (а с математикой я был «в контрах») сказал мне: «Если пойдешь в актеры, поставлю, так и быть, тройку и выпущу». Я обещал и обеспечил себе вожделенную тройку.

Поступил в студию Театра революции, тогда эта студия называлась «Школой юниоров». В Театре революции в ту пору уже играли Бабанова, Мартинсон. Сергея Александровича считали своим учителем. Перед приемной комиссией являл все свои «искусства»: станцевал какой-то немислимый, нечеловеческий танец, показывал пантомиму... Словом, старался. И принял. И это было полной для меня неожиданностью. Потом мне объяснили: приняли за то, что я... «чудик». А после студии приняли и в Театр революции.

— Вы сыграли почти во всех отечественных киносказках...

Пребывает:

— Ну, далеко не во всех...

— Откуда такая страсть именно к этому жанру, которому вы отдали больше сорока лет?

Улыбается:

— Может быть, гены... Мой отец француз, мать русская. Вот и соединились во мне французское лукавство, «игринка», так сказать, и русская удал, любовь к народному действу. Возможно, тут сыграло свою роль и то, что я эксцентрик по душевному складу, многое взявший и от своего учителя Мартинсона.

— Скажите, а общаясь со своими коллегами, друзьями, вы также воспринимаете их как человек эксцентрического склада ума?

— Если имею дело с настоящими друзьями и людьми, в достаточной мере обладающими чувством юмора. Во всех остальных случаях стараюсь быть осторожным, чтобы ненароком не обидеть человека.

— Как начинался Милляр-сказочник?

— Это случилось сорок три года назад, в 1937 году, когда режиссер Александр Артурович Роу приступал к съемкам фильма «По щучьему велению». Видимо, он «пригладел» меня в театре, отметил что-то необходимое для роли царя Гороха и пригласил сниматься. Приглашение было очень кстати, так как я к времени нашего с Александром Артуровичем знакомства ушел из театра.

Должен сказать, что встреча с этим человеком была и остается счастливейшим случаем в моей жизни. И не только потому, что из шестнадцати его фильмов я снялся в четырнадцати, но скорее потому, что встретился с художником высочайшего класса, настоящим другом нашего брата-актера, человеком, который абсолютно доверял интуиции актера, всегда верил в его возможности. Часто верил даже больше, нежели сам актер.

— Я бы отметил еще одну черту Роу — режиссерскую смелость: он часто в одном фильме доверял актеру две, а то и три роли.

— Тому доказательство — ваш покорный слуга. В «Василисе Прекрасной», например, я сыграл Бабу-Ягу, Отца и Гусляра. (Улыбается). Причем приходилось играть разные роли в фильме... в один и тот же день. Когда съемки проходили на натуре, вдруг менялась погода, менялись и намерения режиссера. Неожиданно, случилось, услышишь: «Милляр, переодевайся!» — «На кого?» — «На старуху!».

— К слову, о Бабе-Яге. В фильмах Роу я насчитал три ваших «бабушки» — в «Василисе Прекрасной», «Морозке» и «Золотых рогах». А кинокритик Парамонов в книжке о творчестве Роу утверждает, что Баба-Яга в «Морозке» — восьмой вариант этого образа в вашем исполнении.

— Что вы говорите?! Впрочем... Я ведь снимался не только в сказках Роу. А Баба-Яга — характер все-таки женский, то есть неисчерпаемый, тут возможности повториться малы. Но, помню, на четвертой Яге в фильме «Золотые рога» стал выдыхаться, уже почти не представлял себе своей героини.

— И как, выжили?

— Принял за модель одну свою знакомую, кокетку. Стал часто звонить ей, при встречах подолгу разговаривать, прислушиваться к ее интонациям, присматриваться. Еле сдерживался, чтоб не расхохотаться, видя порой настороженность в ее глазах.

— И все-таки сыграли восемь бабушек!

— Многие и не от меня зависело. Наставала режиссура, да и актрисы, которых приглашали, часто отказывались, не хотели уродовать себя. Тогда «жесткой» становился я.

— Вам «не повезло», Георгий Францевич: много актера уже после первой (а иногда и единственной) роли узнают на улице, а вы столько ролей периграли... Всему, видимо, виной то обстоятельство, что вы на экране всегда появляетесь неузнаваемым.

— Иногда узнают лишь по голосу, и то любители, знатоки киносказок.

— Так что вы всю жизнь скрывали свое лицо...

Смеется:

— Теперь, если снимусь в бытовой роли — почти без грима, подумают, что в кино дебютирует новичок.

— К слову, о гриме... Я смотрю на фотографии, где вы изображены в ролях Кощей Бессмертного, Черта, Квака, и думаю о том, что иной актер за всю жизнь столько не гримировался, сколько вы в роли Кощей, например. Признаться, Георгий Францевич, вы влюблены в процесс гримирования?

— Увлекался гримом еще в театре настолько, что это даже вредило мне. Потом стал гримироваться меньше — в театре, подчеркивая. Но вот в кино встретился со сказкой, которая требует максимума характерности, выразительности. И тут, естественно, много больший простор для фантазии. Что до влюбленности в процесс гримирования, то... ну, скажем, так: в известной мере. Приятно, конечно, наблюдать, как ты становишься неузнаваемым.

— Это тем более приятно слышать, что нынче актеры часто вообще отказываются от какого-либо грима — и в театре, и в кино.

— Это, конечно, едва ли верно. Даже если актер изображает своего современника, ровесника. Должна быть поправка на образ (я именно о гриме), исходя из характера, привычек персонажа и т. д. Ведь не самого же себя изображает актер. Просто некоторые мои коллеги не задумываются над этим — над поправкой на образ.

— Я хотел бы вернуться к сыгранной вами роли Кощей Бессмертного...

— Это, пожалуй, одна из самых важных для меня ролей в моем послужном списке. «Кощей Бессмертный» снимался в годы Великой Отечественной войны, и для всех нас, как впоследствии и для зрителей, мой персонаж являлся олицетворением фашизма, олицетворением зла. В этом образе я стремился предельно высказать свое неприятие чужеземной несправедливости, отвращения к нему. В этом смысле фильм «Кощей Бессмертный» мне представляется совершенно современным и се-

годня, ибо показывает, какие бедствия несет война любому народу.

— Георгий Францевич, где вы находите своих персонажей? Это что — плод вашей фантазии, или за модель вы берете конкретных людей, которых наблюдаете в жизни и хорошо знаете?

— Нет, конечно, каждый образ — обобщение. Но, случается, за основу принимаю иногда привычки, манеры друзей, которых, естественно, называть не стану.

— Были ли случаи узнавания?

— Были, и это на просмотрах вызывало дружеский хохот всех, в том числе и тех, кого частично изображал. Но было однажды и такое. Когда жил в коммуналке на улице Жолтовского, не очень ладил с соседкой. Однажды в фильме изобразил ее Бабой Ягой. Фильм показали по телевидению, и без того «веселые отношения» с соседкой стали еще более «веселыми».

— В ролях, которые вы играете, очень легко потерять чувство меры.

— Всегда помогает конкретность. Во-первых, есть конкретный замысел режиссера, конкретная актерская задача, некоторый опыт, жизненные наблюдения. Наконец, партнеры, которые не дадут «согрешить» перед кинокамерой. И еще. Пабло Пикассо однажды сказал: «Я рисую предмет не так, как я его вижу, а так, как я о нем думаю». Этому же принципу надо следовать и в кино. Сказка обязывает многое додумывать, тогда не будет «перебора». Баба Яга в «Василисе Прекрасной» была страшной, дети ее боялись. Позже я понял, что «бабушку» надо обличать, делать ее смешной. Ее надо презирать, а не бояться.

— Читал, что иногда вы начинаете работу над ролью с... отказа от нее.

— Это происходит лишь тогда, когда предлагают бытовые роли, к ним мне всегда трудно приспособляться. Все-таки в кино я «настоялся» на сказке, на эксцентрических образах, на острей, ярких характеристиках своих героев. Чисто бытовые роли мне не близки.

— Однажды я видел вас на студии с совершенно бритой головой и... без бровей. Ну, бритую голову я допускаю, но брови... Вам ведь приходится ходить по улице, к друзьям, знакомым...

— ...которые в ту пору встрече не узнавали меня. Это было, когда я снимался в роли Квака в фильме «Марья-искусница». Так надо было для роли. Квака решили сделать вообще без какой-либо растительности. Ну я и сбрил брови. Для дела. И, естественно, ходил так по улице. Но, увы, модой «безбровье» не стало.

— И все-таки вы жестоко относитесь к своей внешности.

— Беру пример с некоторых молодых людей. Нынче увидел одного парня, так, право же, решил, что он всю жизнь в лесу прожил. Дикобраз какой-то! Я поначалу даже вздрогнул. А потом — ничего, успокоился.

— Георгий Францевич, вы всю свою жизнь в кинематографе посвящали главным образом детям. Существует ли какая-либо специфика работы для детей? Каким должно быть детское кино?

— Я отвечу вам коротко, словами Алексея Максимовича Горького: «Детский кинематограф должен быть таким же, как и для взрослых, только лучше».

— Среди актеров ходят рассказы о знаменитой «Азбуке Милляра». Что это за азбука? Нелзя ли пример из нее?

— Азбука как азбука. Как говорится, «для внутреннего пользования». На каждую букву я выбирал слово и расшифровывал его. Пример, говорите, пример то можно, только вот... Ну, скажем, такой: В. Валидол — аристократическая закуска к коньяку. Или: Г. Главное — с утра поужинать и днем переночевать. И достаточно, пожалуй.

— Актеры часто говорят, что хотели бы заново сыграть ту или иную роль. Какую роль хотели бы сыграть заново вы?

— Никакой не хотел бы.

— Ваши увлечения вне работы?

— Сочиняю для себя и репетирую куплеты. Рису.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.